

Сергей Александрович Бережной родился в 1955 году в селе Алешки Воронежской области. Окончил Воронежский государственный университет и Академию МВД СССР, офицер в отставке. Службу проходил в органах милиции. Работал на ответственных должностях в судебной системе. Публиковался в журналах «Наш современник», «Роман-журнал XXI век», «Звонница», «Сичево 2012» (Сербия) и др. Автор восьми книг прозы. Редактор альманаха «Пересвет». Волонтер-журналист военной операции в Сирии и СВО. Лауреат многих творческих наград, в том числе Большой литературной премии России. Член Союза писателей России. Живет в Белгороде.

Сергей Бережной

БЫЛ МУДРЕЕ И ВИДЕЛ ГЛУБЖЕ

(Встречи с писателем)

Год назад 21 ноября не стало Петра Дмитриевича Чалого. Мягкий и незаметный в наше оголтелое время, а мимо не пройдешь. Это как тихая гавань в штормящем море. Переписывались изредка, встречались еще реже, когда проезжал через Россошь, да и то накоротке и обычно на вокзале. Лишь однажды в кафешке отельчика «Алан» «зависли» на пару часов, хотя заскочили поначалу на пять минут разговора за чашечкой кофе по поводу публикаций: его в «Пересвете», моих и выбранных им белгородцев в верхнедонском альманахе. Дивный журнал с особым казачьим языком, глубокой философией и историей. И вдвойне рад был появлению моих очерков и рассказов в нем — как дань памяти предкам, хоперским казакам. Обменивались книгами, говорили о планах, сетовали на душачее безденежье. И боль была у нас общая — распад державы, а февраль двадцать второго года вообще восприняли как трагедию народа. Душа кричала, что нельзя нас делить на украинцев и русских, не с Украиной война, а нацизм, который вышествовали отнюдь не украинцы. Их ведь только заразили этим, но разве бомбами да снарядами с идеологией борются? И убогой до примитивности пропагандой.

Жадно слушал он мои совсем не пафосные рассказы о виденном и пережитом, читал заметки и очерки, расспрашивал, сетовал, огорчался...

Никогда не спорили, хотя порой по-разному смотрели и на сегодняшнее происходящее, и на прошлое. Точнее, это были вовсе не разные взгляды, а оттенки. И все потому, что был он мудрее и видел глубже, да и знаний предметных было поболее. Не горячился, говорил тихо и рассудительно, потому убедительно своей глубинной правотой. Нарезанные границы разорванной на части страны глубокой раной рассекли его сердце, а нынешняя война совсем изрубцевала его.

* * *

Мы часто живем сложившимися стереотипами — так проще. До встречи с Петром Дмитриевичем мое представление об итальянцах в нашей войне формировалось «Историей Второй мировой войны» и «Подсолнухами» с Марчелло Матрони.

— Это стереотип, что итальянцы добротой отличались от остальных пришельцев на нашу землю. Шляпы с перьями — да, касками вроде тазиков — да, ботинками с обмотками против немецких сапог — да, мулами да ослами с поклажей — да. Но они были такие же фашисты, и половина из них — добровольцы. Они пришли поработать и убивать нас, как когда-то римляне беспощадно расправлялись с варварами, — Петр Дмитриевич говорил тихо, пронзая взглядом сквозь толстые линзы.

Он всегда смотрел так, будто рентгеном просвечивал. Это было познание сути человеческой, и в какие бы одежды собеседник не рядился, он видел всю его подноготную.

Одной встречи оказалось достаточно, чтобы низвергнуть образ итальянцев из альпийского корпуса до основания. «Нет, не Рафаэли и Да Винчи пришли к нам, не Петрарка и Боттичелли, Верди или Страдивари, Микеланджело и Данте... Пришли не носители великой культуры, а убийцы и насильники. Мы напрасно ищем в каждом итальянце Колумба или Галилея, впрочем, как в каждом русском — Чехова или Чайковского. Народ — это одно, а вот эти пришлые — совсем другое», — говорил Петр Дмитриевич мягко, будто несмышленишу разжевывая очевидное.

* * *

В план «Барбаросса» совсем не входило использование потомков римлян в походе на Восток. Муссолини сам напросился — боялся не успеть к пиршеству победителей. Но русские варвары не хотели покоряться, и в итоге половина корпуса нашла последний приют в заснеженных степях Придонья.

Как-то Сергею Владимировичу Петрову, нашему белгородскому поисковику и краеведу, пришло письмо из далекого Больцано: помогите найти Марио (фамилию не помню), альпийского стрелка из дивизии «Тридентина», погибшего зимой сорок третьего где-то в степях от Россоши до белгородской Ливенки. И были указаны особые приметы: блондин с голубыми глазами. Больцано — это столица Южного Тироля в Северной Италии, что на границе с Австрией, четверть населения сегодня — немцы, точнее, австрийцы, потому итальянец Марио по приметам — ариец, потомок Зигфрида, «белокурая бестия».

Уж не помню, что ответил Петров, но оказавшись в очередной раз в Италии, не преминул остановиться в Больцано по пути в немецкий Гармиш. Во-первых, чтобы повидать знаменитого Этци, «ледяного человека», погибшего 5 тысяч лет назад в горах Тироля, мумия которого покоится в местном археологическом музее. Во-вторых, манили розовые доломитовые горы не только своим цветом, но и потрясающей красотой. В-третьих, захотелось увидеть родину альпийского стрелка

Марио, чтобы понять, чего ж ему не хватало на родине, что привело его в далекую Россию.

Мумия Этци оказалась не очень эстетичной, но для науки весьма информативной. Южные Альпы покоряют красотой, а чистенький, вылизанный, будто с рождественской открытки Больцано умиляет, хотя потомки Этци растворились среди представителей черной африканской расы, которых здесь почему-то оказалось поболее, нежели европейцев. Только вот так и не смог взять в толк: зачем Марио оставил родной очаг и отправился в неведомую Россию? Чьи кости стали эдаким безымянным Этци XX века. Этци, которому уже 5 тысяч лет, можно пожалеть. Этци-Марио совсем не жалко.

* * *

По возвращении написал очерк о курьезном случае с просьбой о поиске Марио и подзабыть стал эту историю, да только пришло письмо от Петра Дмитриевича Чалого. Слышал о нем и от Анатолия Николаевича Кряженкова, и от Сергея Ивановича Котькало, читал его публикации, а вот воочию свиделись в очередном «броске» на Донбасс. Чалый — это бальзам лечебный для души. Это погружение в мудрость. Это природная интеллигентность, не та, что надевается маскарадным костюмом на иного образованца, а корневая, генами передающаяся. Это вселенская доброта к человеку. И узлом завязалась связь наша духовная.

Все лето собирался к нему и осень, да то одно, то другое держало. Последний раз говорили с ним за два месяца до его ухода. Голос бесцветный. «Как здоровье?» — «Все хорошо, пишу, читаю. Заезжай... Есть о чем поговорить». Не поговорили. И пришло ощущение пустоты. Вынимают из-под ног по кирпичику, и вот уже балансируешь над пропастью, понимая, что падаешь в одиночество. Остается только пролистывать обратно страницы прожитого, о чем-то сожалея, в чем-то каюсь и мысленно прося прощения.

И еще раз о войне нынешней. После февраля двадцать второго поселилась в нем боль за Украину, за людей, что развели сначала по разным углам, а потом заставили в остервенелости рвать друг друга на части. Размецал по сети мои зарисовки, эссе, истории, делал репосты, но боль-то не проходила, жила и стискивала сердце. И шаг стал реже, будто груз непосильный на плечи взвалил, и голос потускнел. «Неужели нельзя было по-другому? Неужели все иные средства исчерпаны?» — каждый раз спрашивал он при встрече. А что ответить, если самого терзали те же самые вопросы...

И все же он верил, что образуется все, что сотрут безвозвратно границы — и не такое переживала Русь-матушка. Верил он в мудрость народную, в самоочищение, в регенерацию сознания. Он ушел, а вера осталась...

